

Наталия Тартаковская

Родилась в Алма-Ате в 1958 году. Окончила юридический факультет Казахского государственного университета. Работает юрисконсультom. С детства пишет прозу о жизни. С некоторых пор является активным пользователем социальных сетей, где публикует свои истории и обсуждает их с читателями. Герои рассказов — соотечественники автора, простые алмаатинцы, «маленькие» люди, живущие на фоне исторических событий последних пятидесяти лет.

Аквариум

— А как они там живут? — спросила девочка, прильнув к стеклу, за которым так внезапно возникла и существовала необычная и незнакомая чужая жизнь...

Лека любила рассматривать себя в зеркале.

У мамы было особое зеркало, оно называлось «трельяж», и в нем можно было рассматривать себя со всех сторон. Даже затылок, и тот в боковой части трельяжа был виден.

Леке нравилось, что глаза у нее большие, а волосы заплетены в косички, в которые мама вплетает ленты. Это было красиво, как на картинках в книжках, хоть и возни с лентами полно. Вечерами мама скручивает их в тугие трубочки, и к утру они сами разглаживаются без утюга. Но Леке не нравилось, что она так мала и, всматриваясь в свое изображение, с нетерпением ждала, когда же она вырастет, и называть ее станут не Лекой, а Ольгой.

А пока Леке было пять, она целыми днями читала книги и играла с куклами. Возможно, она скучала бы и страдала от одиночества, если бы знала, что одинока. Но сравнивать ее жизнь ей было не с чем — она не ходила в детский сад, была единственным в семье ребенком и вполне привыкла к своей жизни.

Лека жила с родителями в небольшом домике на углу улиц Масанчи и Горького. Дом свой она очень любила — и зимой, когда он наполнялся запахом хвои и апельсинов, а угольки в печке горели, как звезды, и летом, когда в саду цвел жасмин и бульденеж, и осенью, когда весь мир пах яблоками, которые падали на землю в саду и которые мама сушила, нарезая и раскладывая на крыше сарайчика.

Бабушка, которая часто приезжала из другого города, где она жила, в командировки и останавливалась в их домике, жалела маму, потому что той приходилось носить в ведрах воду из колонки и топить печку углем. Уголь из сарая тоже надо было носить в ведрах по крутой лестнице вниз, в кухню.

— Дом кума Тыквы и то был удобнее, в нем хоть лестниц не было, — говорила бабушка вздыхая. — Потеряешь ты здесь свое здоровье, доченька. Если бы он тебя любил, не заставлял бы так тяжело работать.

На что мама всегда отвечала:

— Ну, что за глупости, мы очень любим друг друга! Он много работает, а я стараюсь, чтобы в доме все было, как надо, и мне это совсем не трудно.

Лека знала, что и на самом деле маме совсем не трудно носить эти ведра с углем и водой. Мама вообще очень любила работать по дому, всегда напевала и улыбалась. Особенно она любила готовить, готовила много и вкусно, к ним в дом постоянно приходило много людей: бабушка с дедушкой — родители отца, братья отца с женами и детьми. Мамина родня тоже частенько приезжала из других городов. За стол обычно садились большой семьей, было весело, все хвалили мамину еду, с аппетитом ели, и Лека была очень рада, что у них так много родственников, которых она любила и которые, она была уверена, любили ее.

Отец по дому не делал почти ничего — он всегда был занят на работе. Рано утром он уезжал на своей красивой серой машине с оленем на капоте, а приезжал уже затемно, ужинал и ложился спать. Только по выходным, если он был не на охоте или на рыбалке, затапливал печь или возился в саду.

Отец никогда не кричал на Леку и не шлепал ее по попе, как мама иной раз, но Лека чувствовала исходящую от него угрозу. С отцом нельзя было спорить, его нужно было слушаться. Однажды он растапливал печку, подкладывая дрова в топку, а Лека крутилась рядом и все старалась потрогать своим розовым пальцем искрящуюся головешку.

— Обожжешься, будет больно! — строго говорил ей отец.

Но головешка была такая красивая, искорки на ней были такими яркими, что палец, казалось, сам тянулся к ним. Конечно же, Лека

обожглась и готова была расплакаться, как вдруг увидела суровый взгляд отца. Лека растерялась, а отец сказал:

— Ты же хотела этого? Чего ж реветь собралась? Добилась своего — делай теперь счастливую физиономию!

Логика его слов была очевидна. Счастье изобразить Лека не могла, но, засунув обожженный палец в рот, молча пошла в свою комнату.

А мама была красавицей. Это знали все. Лицо мамы было прекрасным. И одежда у мамы была красивой. Особенно Леке нравился шелковый яркий халат до пола, который мама надевала вечером, и одежда под названием «гарнитур», состоящая из красивых шелковых трусиков и комбинации с кружевами. Лека видела, как мама вертится перед зеркалом в этом «гарнитуре» и улыбается сама себе. А как-то она показывала «гарнитур» тете Ире, и та просто взвизгнула от восторга. Она так и сказала маме: «Я в восторге!»

Этот гарнитур сорвал с веревки и разорвал в клочки Ральф.

Рыжий Ральф, огромный пес, был куплен дядей Володи и подарен отцу Леки как породистый боксер, с паспортом, и документами. Был он сыном медалистки Румбы и имел несколько братьев и сестер, имена которых начинались на букву «Р», как и у него. Однако по непонятной причине Ральф рос быстрее других щенков, вымахал с доброго дога ростом и отрастил длинную, абсолютно не боксерскую физиономию. К тому времени, как ему нужно было обрезать уши, его особенности уже были видны, паспорт с родословной у него забрали, деньги дяде вернули и уши оставили такими, какими они были от рождения. В итоге Ральф был развенчан из породистой собаки в дворового пса-охранника с цепью на шее и теплой будкой недалеко от ворот под навесом. От аристократического детства у него остался лишь куцый, отрезанный при рождении боксерский хвост, которым он радостно вилял, невзирая на его миниатюрность. Ральф любил события и людей, хотя и пугал их своим необычным видом; никто не предполагал, какое нежное сердце бьется в этом огромном баскервильском теле.

Лека дружила с Ральфом, но однажды после того, как она поиграла с ним на войлочной подстилке возле будки, мама сильно отругала ее за то, что от нее пахло псиной. Отмывая дочку в огромном эмалированном тазу, мама пригрозила, что если это повторится, то Лека будет жить вместе с Ральфом. Леке нравилась ее комната, и она совершенно не хотела переходить жить в будку, поэтому обниматься и целоваться с Ральфом перестала. Ральф не понимал, почему Лека не хотела с ним играть, как раньше. Псу было скучно, и он озоровал.

Вот и в тот раз он сорвал с веревки и разорвал в клочья любимые мамины вещички. Ральф не мог объяснить, зачем он это сделал, но вину

свою осознавал вполне. Клочки одежды он спрятал за свою будку, но мама, конечно же, нашла их. Плача, она пожаловалась на Ральфа отцу.

Лека хорошо помнит, что шел сильный дождь и гроыхал гром, когда отец позвал Ральфа в дом и показал ему обрывки одежды. Ральф опустил голову, его длинные уши доставали до пола.

— Лежать! — скомандовал отец.

Ральф лег, виновато глядя на него снизу вверх.

Мать и Лека стояли рядом.

В руках у отца был ремень. Он начал стегать этим ремнем лежащую собаку.

Пес вздрагивал от каждого удара, но по-прежнему виновато и преданно смотрел на отца.

На его теле, покрытом нежной велюровой шерсткой, четко отпечатались следы от ремня, кое-где выступила кровь.

Особо страшной была безропотность собаки.

Лека оцепенела от ужаса. Ее горло как будто перехватили чьи-то крепкие пальцы. Ей было трудно дышать. Она хотела закричать, но не могла.

Вот это онемение в момент страха осталось у Леки на всю жизнь — в память о пережитом тогда.

Лека всей душой хотела, чтобы это ужасное наказание прекратилось, однако остановить отца она не могла — боялась еще больше рассердить его. Ей казалось, что тогда он начнет бить ремнем и ее, Леку.

Отец в очередной раз замахнулся ремнем, но вдруг мама резко вскрикнула. Конец ремня ударил ее, стоящую за спиной отца, по щеке, на которой мгновенно вздулась багровая полоса. Отец отбросил ремень, крикнул Ральфу, чтобы тот шел прочь, и бросился к маме. Он обнял ее, целовал ей руки, шептал что-то нежное, просил прощения, но Леке не хотелось смотреть на них.

Сцену наказания собаки она запомнила на всю жизнь.

Уже лежа в постели, она дрожала от пережитого ужаса и повторяла, мысленно обращаясь к матери:

— Так тебе и надо! Так тебе и надо!

Хотя мама не была Ральфа. Гнев отца Лека воспринимала, как дождь, гром и другие стихийные явления. Его поступки не подлежали критике.

Эта история как-то быстро сгладилась, ранки на спине Ральфа, которые мама промывала марганцовкой, быстро зажили, и никто, кроме Леки, больше не вспоминал о случившемся.

Тем не менее, Лека очень любила своих родителей. Особенно мать. Так обычно любят матерей дети, родившиеся от редкой, особо горячей,

всепоглощающей любви мужчины к женщине. Мамин запах, ее шелковые волосы, ее нежная кожа, звонкий голос были самыми прекрасными на свете. Когда мама обнимала Леку и прижимала ее к себе, девочка была счастлива, она ощущала себя единым целым с матерью, ей хотелось, чтобы объятия длились вечно. Однако это были редкие минуты. Мама была постоянно занята своими домашними хлопотами.

Каким-то удивительным способом она к трем годам смогла научить дочку бойко читать. Не имея друзей и партнеров для игр, Лека большую часть своей жизни проводила за чтением. Отец был недоволен этим и часто говорил, что из девочки вырастет книжный червяк в огромных очках, чем очень смешил маму.

Умение маленького ребенка читать вызывало удивление у незнакомых людей. Как-то, ожидая своей очереди на процедуру «тубус» в маленькой детской поликлинике-завалюшке на улице Пастера, где печки топили дровами, а кривые стены были увешаны плакатами, обучающими матерей ухаживать за детьми, Лека сидела на стуле и читала свою любимую книжку с картинками. Это была «Окся-труженица», рассказ про девочку, живущую на крайнем севере в яранге. Толстая тетка вдруг громко расхохоталась и, указывая на Леку пальцем, громко сказала:

— Вы только гляньте на нее, сидит с умной рожей, как будто и впрямь читает!

Леке стало обидно и за слово «рожа», и за то, что над ней смеются, и она тут же стала читать вслух. Тетка онемела и смотрела на Леку, как на дрессированную мартышку в цирке, до тех пор, пока мама не завела ее в кабинет.

В старых детских книжках, которых в доме было полным-полно, Лека прочитала, что до революции дети молились перед сном Богу и благодарили его за прожитый день. Лека спрашивала маму о Боге, но мама всегда коротко отвечала, что Бога нет, а дети в старину верили в него, потому что тогда не все были достаточно умны. Но Лека иногда думала, что, возможно, мама ошибается, и Бог есть. В этом случае он может обидеться на их семью за то, что никто ему не молится и не благодарит его. Поэтому Лека придумала молитву сама и каждый вечер перед тем, как заснуть, повторяла одно и то же:

— Спасибо тебе, добрый Бог, за то, что у меня такая прекрасная жизнь и самые замечательные родители на свете.

Позже к ее еженощной молитве добавились слова: «...и за то, что у нас живут такие замечательные рыбки!»

Лека хорошо запомнила тот летний день, когда привезли аквариум. Рыжий Ральф радостно суетился около въехавшего во двор грузовика.

Происходящее было событием не только для всей семьи — соседи из близлежащих домов, выглядывая из-за заборов, с интересом наблюдали, как работяги выгружали из грузовика огромный стеклянный ящик с тщательно залитыми специальным составом углами и стыками стенок.

— Это ж какой у него объем? — спросил старый Николай у руководившего разгрузкой отца.

— Сто пятьдесят литров, — ответил тот небрежно, придерживая откинутый борт грузовика.

— Ого! Вот бы в нем капусту заквасить! — засмеялся Николай.

Лека даже испугалась: а вдруг родители и вправду решат солить капусту в этом чудесном аквариуме вместо обещанных рыбок? Капусту заготавливали осенью, и Лека хорошо помнила, как отец вытаскивал из подвала большие некрасивые, пахнущие кислым, старые бочки. Их мыли, ошпаривали кипятком и закладывали в них огромные кучи мелко наструганной капусты и моркови. Аквариум, конечно же, был гораздо лучше бочек.

Но отец только рассмеялся, махнул рукой, и работяги понесли стеклянный ящик в дом, аккуратно минуя столбы крыльца и дверные косяки. У плотника заранее была заказана огромная крепкая скамейка на восьми ногах; на нее, поставленную вдоль стены, подальше от двери в «зале», и установили аквариум, похожий, как Леке казалось, на хрустальный гроб, в который в сказке уложили принцессу маленькие гномы.

Как зачарованная, она не отходила от аквариума, рассматривая его устройство и представляя, как в нем будут плавать диковинные рыбы, о которых рассказывал отец.

Но до того, как в аквариуме появились обитатели, прошло немало времени.

Сперва всей семьей ездили на горную речку, звенящую и пахнущую снегом. Там Лека, отчаянно визжа, купалась в ледяной запруде, мама раскладывала на расстеленном в траве одеяле привезенную из дому снедь, а отец, орудуя небольшой лопаткой, набрал два ведра речного крупного песка. Мама обвязала ведра старыми простынями, чтоб песок не высыпался в багажнике. Дома этот песок тщательно промыли водой, как моют рис перед тем, как делать плов в старом казане, а потом мама насыпала его на огромные противни и прожаривала в печи, как будто это были огромные пироги «с посыпкой», печь которые она была мастерица.

Чистый прокаленный песок выложили на дно вымытого отцом аквариума. Отец несколько дней отстаивал в ведрах воду, и в конце недели аквариум был готов для того, чтобы в него запустили рыбок.

За рыбками в выходные ездили на птичий рынок на Тастак.

Мама говорила Леке, что «Тастак» по-казахски значит «Каменный». Камней, оставшихся после селя, вокруг рынка и впрямь было полным-полно.

Лека готова была навечно остаться на этом базаре, где в телегах и в открытых багажниках машин поскуливали, тыкаясь друг в друга прелестными мордочками, остро пахнущие псиной щенки всех пород и мастей, беззаботно спали маленькие котята, отчаянно пищали утята и цыплята, печально сидели в ожидании своей участи привязанные к забору и деревьям ставшие ненужными хозяевам взрослые собаки, при виде которых Лекино сердце было готово разорваться от сочувствия и жалости.

Несколько рядов на этом необычном рынке были заняты аквариумистами. Это были большей частью серьезные люди, неторопливо обсуждавшие друг с другом особенности содержания различных пород рыб, устройство аквариума, подкормку и другие совершенно неведомые Леке вещи. Она была поражена, как этот мир, пахнущий водорослями и рыбьим кормом, отличается от того мира, в котором она жила. Даже дети аквариумистов, с сачками и баночками для отсадки рыбок в руках, деловито и умело обращавшиеся с этими предметами, были не обычными детьми, а, казалось, обладали тайными знаниями и умениями.

Выставленные на прилавки маленькие аквариумы были полны разноцветных рыбок, мотков ярких водорослей, огромных улиток-прудовиков, красивых раковин и удивительно гладких, похожих на яичко, морских камешков. В холщовых мешочках по прилавкам были разложены кормы, которые продавцы упаковывали в маленькие кулечки из исписанных тетрадных страниц. В баночках шевелилась крохотная живность, которую торговцы вылавливали ложками. Надписи на мешочках и банках были, как показалось Леке, мало подходящими для еды: «Мотыль», «Циклоп», «Дафния», «Артемия», «Тля».

Глаза разбегались, здесь можно было заплутать, потеряться среди толпы, но мама крепко держала Леку за руку, а папа достал из кармана список и покупал лишь то, что в нем было указано.

Домой возвращались веселыми. Банки с рыбами, горлышки которых были обвязаны тряпочками, стояли у мамы в ногах, и она придерживала их, чтобы не опрокинулись. Закрытые банки с водорослями стояли в багажнике. Там же были аккуратно сложены красивые перламутровые раковины, синяя лампа, похожая на дуршлаг, специальный аппарат для того, чтобы в аквариум поступал воздух и еще много интересного.

Лека была счастлива, что дома у них будут жить рыбки, и что папа и мама так возбуждены и радостны, и что куплено столько новых ин-

тересных вещей, которые улучшат и без того замечательную жизнь их семьи.

Родители красиво обустроили аквариум, закрепили в песке корешки водяных растений, похожих на длинные пушистые елочки, разложили камни и раковины. Еще накануне знакомый электрик прикрепил над аквариумом длинные гудящие лампы — он назвал их лампами дневного света, что было совершенно непонятно Леке, поскольку включали эти лампы вечером.

И вот наконец-то из банок были аккуратно извлечены и выпущены в аквариум рыбки. Лека, как зачарованная, любовалась этой красотой. Она заранее изучила названия рыбок в купленной отцом книге.

Рыбкам явно понравилось их новое просторное жилище, каждая нашла для себя местечко. Жемчужные гурами медленно плавали вдоль стенок аквариума и, казалось, внимательно и задумчиво рассматривали Леку из-за стекла. Яркие меченосцы молниями проносились мимо девочки. Ленивый сомик залег на дно, и только длинные усы, торчащие из-за ракушки, выдавали его присутствие. Прелестные Данио-рерио со смешным прозвищем «дамский чулок», плавали дружной стайкой, никого не замечая, кроме членов своей команды. Но больше всего Леке нравились огромные тигровые скалярии. Эти неторопливые треугольные рыбы в яркую полоску были так прекрасны, что у нее от восторга даже дыхание перехватывало. Скалярии наблюдали за Лекой своими умными глазами и совсем не боялись, когда она прикасалась рукой к стеклу рядом с ними. Их было шестеро, этих необыкновенных, ни на кого не похожих рыб. Две из них, наиболее яркие, всегда держались вместе, не расставаясь. Лека была уверена, что скоро у этой парочки появится маленький, похожий на них, треугольный ребенок, и про себя называла их «рыбка-мама» и «рыбка-папа».

Самым главным по рыбкам был, конечно, отец. Он менял воду в аквариуме, чистил его стенки, промывал растения, измерял температуру воды и подогревал ее специальной лампой. Рыбки были теплолюбивыми, и требовалось следить, чтобы вода не остыла. Мама помогала отцу, иногда и Леке давали поручения — принести что-то, помыть сачки. Лека старалась выполнять все правильно. Она хотела, чтобы отец был ею доволен.

С появлением рыбок в доме началась новая жизнь, наполненная хлопотами и заботами о новых питомцах. В выходные всей семьей ездили на рынок за кормом, где иной раз покупали и новых понравившихся питомцев — благо места в аквариуме было много. Иногда ездили на пруды, ловили сачком мелких рачков, а потом угощали рыб этим деликатесом. Вечерами Леке очень нравилось сидеть возле аквариума, на-

блюдовать за жизнью его обитателей под мерное бульканье аппарата, нагнетавшего в воду воздух. Иногда девочке начинало казаться, что она тоже — рыбка, и плавает среди этих красивых обитателей аквариума, но мама всегда замечала такие моменты, и со словами: «Ну все, ребенок сидя засыпает!» — брала ее на руки и уносила в детскую.

Сидя у освещенного аквариума, Лека любила читать книжку про рыбок.

— Мама, Данио-рерио живут в Индии. Это где?

— Это в другой стране, дочка. Там течет река Ганг и живут индусы.

— А скалярии живут в Бразилии. Бразилия — это что?

— Это тоже страна такая, дочка, она очень далеко.

— А там им тоже подогревают воду?

— Нет, дочка, там всегда тепло.

Лека мечтала побывать в Бразилии, где всегда тепло, не нужно надевать войлочные сапожки-«валашки» и шубу, а можно весь год ходить в летнем платье, и где речки полны красивыми яркими рыбами.

Будь Лека постарше, она поняла бы, что рыбки сплотили семью, поэтому жизнь так изменилась. Теперь они много времени проводили вместе. В дом чаще приходили гости, которые неизменно восторгались красотой аквариума и образцовым порядком, в котором он содержался благодаря неутомимой заботе отца.

Рыбкам жилось прекрасно, они начали размножаться. Перед тем, как появиться маленьким рыбешкам, рыбку-мать отсаживали в специальный небольшой аквариум, в котором вскоре, как по волшебству, появлялась стайка мальков. Вот только скалярии никак не обзаводились потомством.

К отцу часто приходил его друг Валентин. Он с интересом помогал отцу ухаживать за аквариумом, хотя сам был охотником и знатоком пернатых. Из убитых животных и птиц Валентин делал чучела, и делал их, как говорил отец, лучше всех. Его работы выставлялись в музее и в академии наук. И отцу он иной раз дарил чучела фазанов и других птиц, которые красиво расставляли на шкафу и на буфете.

С Валентином отец ездил на охоту, после чего мама во дворе оципывала мертвых кекликов и фазанов, а потом запекала их на огромных противнях в печи. Это было очень вкусно; главное — чтоб на зуб не попала незамеченная при разделке дробинка. Родственники и знакомые, пришедшие на угощение, с аппетитом уплетали дичь, поливая румяные пахучие куски нежнейшего мяса столовым уксусом и смазывая их горчицей.

Леке Валентин подарил пушистую заячью лапку и чудесное невесомое одеяло из нежного меха. Оно было ароматным и теплым, в него было так приятно укутаться в зимние вечера.

Годы спустя Лека узнала, что одеяло было изготовлено из кошачьих шкурок, а Валентина на самом деле звали Эвальд, и он был основателем казахстанской школы таксидермии, обучившим своему искусству многих. Выходец из интеллигентной семьи репрессированных немцев, не получивший высшего образования, Эвальд самоучкой стал выдающимся ученым-орнитологом, вынужденным для публикации своих работ указывать себя соавтором какого-либо известного ученого.

Как уживались в одном человеке незаурядный ум, любовь к природе — и убийство животных, Лека не понимала ни в детстве, ни позже, повзрослев.

— Дядя Валя, а ты вправду лучше всех делаешь чучела? — как-то спросила Лека.

— Наверное, да, — ответил Валентин, подумав.

— А чучело Ленина тоже ты сделал? — спросила Лека.

Взрыв смеха, который последовал за ее вопросом, заставил ее смутиться. Лека не любила, когда над ней смеялись.

Из комнаты в «зал» вошла приехавшая в гости бабушка. Она тоже расхохоталась, а потом, вытирая платочком слезы, погрозила Леке пальцем и строго сказала:

— Не смей так никому говорить, если не хочешь родителей лишиться!

Леке было стыдно, щеки ее горели, но она не могла понять, в чем ее оплошность, — ведь совсем недавно они с мамой читали книжку о том, как дети ходили в мавзолей Ленина и там смотрели на него, мертвого.

— Запомни, это называется мумия! — сказала ей мама, успокоившись. — Мумия! А чучела делают только из животных!

— Мумии делают из людей? Из меня тоже сделают мумию? Дядя Валя будет ее делать?

Вопросов было много, но взрослые только смеялись и отмахивались, не давая ответа.

Лека с опаской поглядывала на отца — вдруг он рассердится на нее, как на Ральфа, и выдерет ремнем. Но отец, похоже, совсем не сердился. Забота о рыбах вообще сделала его добрее и терпимее.

Весной, когда снег растаял, на улице возле ворот образовалась огромная лужа, в которой отражалось небо. Лека очень боялась этой лужи: ей казалось, что, сделай она неловкий шаг, — тут же полетит

вверх тормашками в это глубокое бескрайнее небо, отраженное в воде. Лека понимала, что, если с ней случится такая беда, никто не сможет ей помочь, и она так и будет лететь вниз без остановки, прочь от родителей и этой прекрасной жизни в маленьком уютном домике...

Но прекрасная жизнь закончилась внезапно и трагически, и совсем не из-за волшебной лужи.

Началось с мелочи — однажды водяной термометр, похожий на огромный аптечный градусник, сломался, и мама предложила отцу отложить замену воды на завтра, пообещав с утра купить новый. Отец же сказал, что прекрасно обойдется и без термометра. Как всегда, вечером он отсадил рыбок в маленький аквариум, слил несвежую воду, вымыл стенки и почистил дно, а затем заполнил емкость отстоявшейся подогретой чистой водой. В эту чистую воду он одним махом выплеснул содержимое маленького аквариума.

Но в этот раз рыбки не стали плавать и играть — они тут же перевернулись брюшками вверх и всплыли на поверхность. Все они мгновенно утратили яркость красок и замерли на поверхности воды, как будто уснули. Лека непонимающе смотрела на аквариум. Она было хотела спросить у отца, что же произошло, но, увидев его лицо, смолчала. Лицо отца было бледным и злым, он молча смотрел на рыб и не произносил ни слова. Мама бросилась было к аквариуму.

— Сейчас я их выловлю и пересажу в банки, — сказала она, но отец остановил ее.

— Не надо. Они все умерли. Я случайно перегрел воду.

Он молча собрал сачком умерших рыб в ведро и вынес на улицу.

Рыбки погибли, все до одной.

Ночью Лека услышала странные звуки, доносившиеся из «залы». Она тихонько выбралась из кровати и, подойдя к двери, осторожно выглянула из-за нее. Отец сидел на табурете возле пустого аквариума, над которым слабо светились лампы дневного света, и глухо плакал, размазывая руками слезы по лицу. Его плечи дрожали, выглядел он совсем не так, как всегда: не было в нем ни суровости, ни силы, обычно исходивших от него.

Слабость отца, его рыдания испугали Леку больше вспышек его гнева. Она молча вернулась в постель и, пытаясь сдержать дрожь, обхватила себя руками, как будто крепко обняла. Девочке было страшно. Казалось, в жизни ее что-то сломалось, и она никогда уже не будет такой прекрасной, как раньше. Лека прогоняла мысли о несчастных рыбках, но вида их мертвых тел на поверхности воды забыть не могла.

Наутро отец уехал на работу задолго до того, как Лека проснулась. Мама печально возилась с ведрами, сливая из аквариума воду и упаковывая по большим банкам водоросли. В комнате пахло рыбой, водой и горем.

— Мама, а когда мы купим новых рыбок?— спросила ее Лека.

— Не знаю, дочка. Папа ничего не сказал про это. Велел слить воду и разобрать все, что в аквариуме, — ответила мама. — Сам сварил всех рыб, а теперь злится.

Леке хотелось верить в хорошее. Не зря же был куплен такой красивый огромный аквариум, не капусту же в нем квасить! И огромная скамья, на которой он установлен, тоже не просто так заказана у столяров. Лека сама видела, как папа платил им деньги и говорил, что это дорого. И книгу про рыбок они изучали всей семьей, и теперь даже она, Лека, знает, как выглядят Данио-рерио и какие мудрые глаза у тигровых скалярий. Не может же все это закончиться только потому, что рыбам налили чуть более теплую воду, чем было нужно.

Днем отец позвонил с работы и сказал маме, что едет с Валентином на охоту. Приедет только через три дня.

А вечером пришли вызванные им рабочие и вынесли аквариум в сарай, поставив его на ту же скамью, на которой он стоял в доме.

«Зал» опустел и стал неуютным.

Отец теперь бывал дома все реже и реже — у него все время находились дела, для занятия которыми ни мама, ни Лека были не нужны. А когда он появлялся дома, то всегда торопился куда-то. Родственники тоже приходили редко, и мама почти перестала печь пироги и запекать мясо на огромных противнях. Обедали вдвоем. Мама кормила Леку маленькими детскими котлетками и специально для нее приготовленными супчиками с мелкой детской вермишелью.

Днем Лека иногда заходила в сарай и смотрела на грязные стенки аквариума, заполненного всякими ненужными в доме вещами, — такими, как свернутая брезентовая палатка, сдувшаяся резиновая лодка и прочим, как говорила мама, «шурум-бурумом». Водя пальцем по грязному стеклу, Лека вспоминала тот прекрасный кусочек реки Амазонки, который существовал в их жизни, когда они были счастливы.

Как-то Лека застала маму тихо плачущей в спальне. Тумбочка около кровати была открыта, маленький ящик с выстланным мягким бархатом дном выдвинут.

Лека обняла маму, погладила по шелковистым волосам.

— Не плачь, мамочка, все будет хорошо, — прошептала она.

От мамы замечательно пахло — духами, зубным порошком и немножко молоком. От маминого запаха у Леки всегда на душе становилось спокойно... Но не сегодня.

— Не плачь, папа снова купит нам рыбок, и все будет хорошо.

— Ой, ну что ты с этими рыбками! Забудь о них, — ответила мама. — У меня вот браслет жемчужный пропал из тумбочки — тот, что папа подарил мне, с золотым замочком. Ты, случайно, не взяла его поиграть?

Лека понимала, что мама спрашивает ее просто так — она никогда не брала мамины вещи.

Мама была человеком легким: через полчаса она уже забыла про слезы и готовила в кухне, тихо напевая песенку про ландыши.

Но маленький старый человечек Тадеуш Леопольдович, приходящий раз в полгода настраивать пианино, в этот день, закончив настройку и глядя на маму, сидевшую в кресле, долго играл что-то нежное и прекрасное, а потом сказал, что Шопен создал свою музыку для того, чтобы ее исполняли для таких красивых и грустных, как мама, женщин.

А через несколько дней сквозь сон Лека слышала, что во двор въехала папина машина, топали ноги и громыхали двери, а потом папа и мама как-то нервно и неласково разговаривали друг с другом, и мама вдруг вскрикнула:

— Но как можно было взять мой браслет и подарить ей?!

Однако утром папа и мама спокойно завтракали вместе, ели пончики, запивали их какао и, смеясь, уговаривали Леку съесть еще один, «а то вон, смотри, какие у тебя худенькие руки, дочка, настоящие спички, неужели тебе не жаль свои ручки?»

И все вроде было по-прежнему, но все-таки «как раньше» не было, и Лека знала, что уже не будет никогда, и глаза мамы были особенно прекрасными в то утро.

А потом мама грустно собирала вещи отца в два чемодана, потому что он надолго уезжал в командировку. И, хотя наступало лето, мама уложила в чемодан и красивое папино пальто, и зимние ботинки, и кашемировое кашне, приятно пахнущее одеколоном и табаком. Прощаясь, папа растеряно поцеловал Леку, сказав, не глядя на нее, чтоб не скучала, немного задержал в руках ее тоненькую косичку с бантом на конце и пошел с чемоданами в руках к своей машине.

Мама закрыла за ним ворота и начала стирку в эмалированном тазу, поставив его на табуретку на веранде.

Распаренными руками в пышной мыльной пене она терла о ребристую доску Лекины платица и штанишки, и по ее грустному лицу катились капли пота, похожие на слезы.

Второй сын

— Сама ты красавица, и дети у тебя хорошие. Этот умный, а другой — гениальный.

Женщина с огромными светлыми глазами приобняла Лайнюшку за плечи, когда они с сыном стояли на перекрестке.

— Что за ерунду вы говорите? — резко ответила Лайнюшка.

— Я точно знаю: этот просто умный, а другой — гениальный.

Загорелся зеленый свет, и Лайнюшка, схватив сына, здорового пятнадцатилетнего парня, за руку, быстро пошла домой.

Странная женщина осталась позади.

Лайнюшка и раньше слышала от соседей, что живет в их районе художница, красивая статная казашка со светлыми глазами, которая имеет обыкновение подойти к незнакомому человеку и сказать что-то о его жизни, да так, что диву даешься — откуда ей это известно. На днях она подошла к Лайнюшкиной матери и, пристально глядя ей прямо в глаза, сказала:

— Красивая ты, но гордая. Сколько мужчин тебя любили, а ты всегда одна. Ходишь королевой, а за душой ни копейки.

И это было абсолютной правдой.

А сейчас вот подошла к Лайнюшке и сказала эту глупую фразу.

Десятью годами раньше, теплой яблочной осенью, когда воздух в предгорьях Алма-Аты пронизан легкой дымкой от сжигаемых веток и насыщен острым винным запахом падалицы, когда уже спала летняя жара, и по утрам с гор тянуло свежим ветерком, но до зимы было еще далеко, и горы только-только начали менять свой зеленый окрас на желтый и багряный, — в это, бесспорно, самое прекрасное в Алма-Ате время Лайнюшка решила взять пятилетнего сынишку и махнуть с ним за город, в санаторий матери и ребенка, расположенный у подножия гор, там, где еще до войны, в тридцатые годы, были разбиты великолепные яблочные сады.

Старый, без изысков санаторий был уютным: номер с душем, туалетом и чистой постелью. В окно виднелись синие горы с белыми макушками.

Лайнюшка рада была возможности забыть на время все проблемы и заботы, постоянные хлопоты по дому и появившуюся в последнее время напряженность в отношениях с мужем, недовольство друг другом. Да и готовить не нужно было — столовая в санатории была вполне сносной, так что даже избалованный домашними разносолами Димка, надышавшись свежим воздухом, с удовольствием уплетал санаторские борщи и котлетки.

Унаследовавшая от своих эстонских предков, давным-давно волею судьбы оказавшихся в Казахстане, не только красивое имя Лайнэ, но и склонность к меланхолическим раздумьям, она была очень довольна возможностью оторваться от городской суеты и пожить на природе.

В столовой за столом с ними сидела молодая симпатичная женщина, как оказалось, врач, приехавшая с маленьким сынишкой по профсоюзной путевке из Гурьевской области. Смешной мальчик, ровесник Димки был пострижен наголо, и только надо лбом у него торчал жесткий чубчик черных волос. Прическа оставляла открытыми большие торчащие уши, отчего ребенок походил на зайчонка. Не зная ни слова по-русски, мальчик каким-то загадочным образом подружился с Димкой, и все четыре дня, что оставались гурьевцам до отъезда, дети были неразлучны. Они носились по саду, смеялись, играли, и матери были очень довольны этой неожиданной дружбой, дающей им возможность поболтать на общие для всех молодых матерей темы.

Мальчик с чубчиком покашливал, что нисколько не лишало его энергии и задора. По словам матери, он напился холодной воды, и горло слегка воспалилось.

С отъездом соседей по столу Димка заскучал, и Лайнюшка стала с большим энтузиазмом гулять с ним по окрестностям.

Но как-то, когда они торопились на обед, Димка вдруг побледнел, пробормотал, что ему плохо, и упал в обморок.

Лайнюшка схватила обмякшее тельце сына на руки и понеслась в медпункт. Ребенок был бледен, жаловался на сильную головную боль и на то, что «ноги не хотят ходить».

Димка заболел скарлатиной.

Позже, в номере, Димка лежал под двумя одеялами, жалуясь на озноб, впадая в забытие, стонал. Лайнюшка в ужасе бросала вещи в сумки, звонила мужу, ждала машину, не спуская глаз с малыша.

Внезапно она ощутила тошноту.

Уже дома, уложив Димку в постель, отваривая купленную на рынке сливочно-желтую курицу, она вновь ощутила неукротимый приступ тошноты. Запах свежей домашней курицы показался ей отвратительным.

И все время, пока она выхаживала малыша, тошнота не отпускала ее.

Лишь тогда, когда ребенок пошел на поправку, когда сыпь, покрывающая его тельце, стала бледнеть, а кожа на маленьких нежных ладошках стала отслаиваться прозрачными лоскутами, когда он окреп, и стало возможным оставить его с бабушкой, Лайнюшка решила сходить к гастроэнтерологу.

Первый вопрос, который ей задали, был вопрос о беременности.

Беременность была невозможной, поскольку незадолго до поездки в санаторий Лайнюшка обратилась к очень известной и опытной гинекологе, установившей ей внутриматочную спираль.

Эта врач, Мария Петровна, очень нравилась Лайнюшке своим умом, опытностью, умением выдавать категоричные умозаключения, казавшиеся Лайнюшке мудрыми. Лайнюшка доверяла ей, в те времена вообще было принято считать пожилых людей умными и верить им.

Мария Петровна была красива и элегантна — редкие качества для советской немолодой женщины. По секрету призналась, что сын ее живет в Америке, прекрасно устроен, и она ждет возможности выехать к нему.

Когда Лайнюшка пришла к ней, врач подтвердила беременность.

— Ну, что ж, моя дорогая, — сказала Мария Петровна. — Рожать-то ты, конечно, не будешь.

— Почему нет? — спросила растерянная Лайнюшка. — Раз уж так вышло, надо рожать.

— С ума сошла? — спросила Мария Петровна. — А ничего, что у тебя спираль стоит? Никто не знает, как это повлияет на плод. Тебе нужен ребенок-инвалид?

— Ну почему обязательно — инвалид? Может, он будет здоровым, — возразила Лайнюшка.

— А может — нет. И скорее всего — нет. А что ж сразу не пришла, как тошнить начало?

Лайнюшка рассказала о Димкиной скарлатине.

— Совсем с ума сошла, — сказала Мария Петровна. — Мало того, что спираль — так еще и скарлатина. Думаешь, после этого ребенок нормальный родится? Как бы не так. Женщины порой и здоровые, и крепкие, а ребенок рождается с отклонениями. Здесь же целый букет обстоятельств, а ты — рожать надумала. Ты не переживай, срок еще не велик. Я выну спираль и массаж сделаю — все само выйдет, даже и чистить не придется.

Массаж был болезненным, но врач гарантировала, что беременность будет прервана.

Лайнюшка страдала.

Новость была для нее неожиданной. Но то, что внутри ее тела возникла новая жизнь, восхищало. Лайнюшка чувствовала, что она уже любит эту живущую в ней кроху и хочет ее рождения. Вместе с тем, заставить ее страдать она не могла. А в то, что страдания эти будут, она не могла не верить, потому что уважала Марию Петровну и верила ей.

А ночью Лайнюшке приснился ребенок.

Он был совсем маленьким, но смотрел на нее совершенно умными глазами и повторял, как заведенный:

— Не убивай меня, мамочка, не убивай меня! Я так люблю тебя, мамочка, я должен быть с тобой. Я обещаю тебе — ты будешь мною гордиться, мамочка. Не убивай меня, пожалуйста.

Лайнюшка проснулась в холодном поту. Ее трясло от ужаса. Ладони ее рук лежали на животе.

— Все, Мария Петровна! Я твердо решила — буду рожать. Он же уже живой, он хочет жить, я не могу так с ним поступить!

— Ты дура, Лайнэ! Там еще ничего нет, это не человек, не ребенок — это только маленькая завязь, комок клеток. А вот на вопрос, что из него, этого комка, получится — я могу твердо ответить: ничего хорошего не получится. Поверь мне, врачу с огромным опытом: после того, что с этим эмбрионом произошло, он не может сформироваться нормально. Ты знаешь, что такое родить инвалида? Не знаешь? А я тебе скажу. Это отказаться от собственной жизни и всю себя посветить возне с ним. Твой Димка будет лишен материнского внимания. Твой муж уйдет от тебя — практически все отцы таких детей уходят. Второй брак будет категорически невозможен — никому не нужен чужой ребенок-инвалид. Представь — ты, молодая, красивая — и приговор на всю жизнь. Не морочь голову — сейчас я сделаю тебе укол и все это закончится.

Но укол тоже не помог.

Дитя очень хотело жить.

Однако после укола и без того невеликие шансы на то, что ребенок родится здоровым, значительно уменьшились.

Время шло, Мария Петровна применяла все новые и новые методы убийства Лайнюшкиного ребенка. А он рос и не собирался умирать.

Мария Петровна не хотела зла этой молодухе с эстонским именем и азиатским менталитетом. Мария Петровна считала себя умной европейской женщиной и верила, что один ребенок — это вполне достаточно для молодой семьи. Она не понимала Лайнюшкиных сомнений. Мария Петровна с презрением относилась к женщинам, рожавшим нескольких детей, считала их несовременными, безответственными, не осознающими, что при существующем образе жизни и строе необходимо и возможно поставить на ноги только одного ребенка — так, как она подняла своего сына, сделавшего неплохую карьеру в Америке. Врач была уверена, что то, что она делает — правильно, и она помогает этой глупышке не испортить ее дальнейшую жизнь.

Мария Петровна вовсе не называла то, что она делает, «убийством».

Даже при виде детей, родившихся «по медицинским показаниям» в результате искусственно вызванных преждевременных родов, которые брошенные на мраморный медицинский стол, иногда сутками без-

звучно открывали свои крохотные рты и шевелили конечностями, она не испытывала к ним жалости и сострадания, поскольку людьми их не считала.

Упорство же этого проклятого эмбриона злило ее, ущемляло ее профессиональную гордость и заставляло придумывать новые способы избавления от него.

В запасе их оставалось совсем немного. Но Мария Петровна была уверена в победе над крохотным — но врагом.

Ночные разговоры с сыном — а Лайнюшка не сомневалась в том, что это сын — стали привычными.

— Не убивай меня, мамочка! — умоляло дитя. — Я обещаю тебе, ты не пожалеешь о том, что я родился. Я не могу обещать тебе, что я буду быстро бегать и высоко прыгать, но я твердо обещаю тебе, что я буду талантлив. Я буду играть на пианино и рисовать прекрасные картины, ты будешь гордиться мною, мамочка. Я сделаю твою жизнь прекрасной даже тогда, когда ты утратишь свою молодость и красоту, я буду заботиться о тебе, потому что я люблю тебя, мамочка, так, как еще никто не любил свою мать.

— Глупыш, я тоже люблю тебя. Именно поэтому я не могу позволить тебе родиться. Мария Петровна сказала, что шансов на то, что ты будешь здоров, нет. Наш мир не для инвалидов, сынок. Я не могу позволить тебе страдать. Ты будешь упрекать меня всю свою жизнь за то, что я тебе ее дала.

— Не верь ей, мамочка! Я буду жить и радоваться жизни — какой бы она ни была. Я буду творить, я знаю это, я много чего могу дать миру — и тебе, мамочка.

— Как ты можешь знать это, глупыш? Ты еще даже не ребенок, ты — лишь комочек клеток, случайно возникший зародыш, обреченный на гибель. Мария Петровна — знающий, опытный врач, я верю ей.

— Не верь ей, мамочка! Она врач, но она не может знать того, что знаю я. Когда дети рождаются на свет, они забывают то, что знали в утробе матери. Но сейчас я знаю очень много, гораздо больше, чем Мария Петровна, или ты, или кто-то еще. Я знаю даже о том, что будет в будущем. Послушай, мамочка, пожалуйста, не убивай меня. Не убивай!

Жизнь Лайнюшки стала похожей на верчение в каком-то адском колесе. Походы к врачу, постоянное напряжение, бессоница, ночные разговоры с нерожденным сыном и споры с собой.

Как-то во сне она увидела его, своего нерожденного сына, уже подросшего. Одной ручонкой он держал синеватый шланг пуповины, другую протягивал к ней.

— Мамочка, — говорил ей сын, — у меня появились папиллярные линии на пальцах и бороздки на ладошках. У меня длинная линия жизни. Может быть, ты все же не будешь убивать меня?

— Малыш, ты не понимаешь, о чем говоришь. Теперь уже пути назад нет. Я не могу заставить тебя страдать.

— Мамочка, дорогая, я не хотел говорить тебе, но моя жизнь нужна не только мне — она очень нужна и тебе. Я не могу оставить тебя. Пройдет время, ты будешь одинока и больна, а рядом с тобой никого не будет, если ты не дашь мне родиться.

— Глупый, это невозможно. У меня прекрасная семья, любящая, всегда готовая помочь мне мать, внимательный муж, замечательный умный сын. А еще я заведу собаку, которая будет меня любить, и она всегда будет рядом рядом со мной.

— Мамочка, любимая моя мамочка, собаки, как бы ни любили хозяев, живут мало — собака уйдет от тебя. Твоя мать умрет. Твой муж предаст тебя, когда ты постареешь. Твой сын не сможет быть тебе поддержкой. А я буду с тобой рядом. Я вижу нас с тобой вечером в гостиной, горит огонь в камине, на стенах висят мои полотна, ты сидишь в мягком кресле, я играю Шопена...

— Боже мой, о чем ты говоришь! Камин, Шопен — смешно. Ничего этого не будет. Никогда.

Лайнюшка проснулась, но маленькая ручка ее сына с крохотными пальчиками вспоминалась ей еще долго.

Выпал снег.

Мария Петровна сказала Лайнюшке, что ей необходимо приехать на прием в специальное отделение клиники, где она сможет тщательно осмотреть ее и решить, что делать дальше.

Отделение находилось в поселке Каменка под Алма-Атой и представляло собой разбросанные по огороженной забором территории ветхие бараки. Пахло карболкой. Между бараками сновали медицинские работники в несвежих белых халатах и надетых на вязаные носки галошах.

Лайнюшка подошла к бараку, на который ей указали и потянула на себя обитую старым одеялом, из прорех в котором торчали клочья ваты, дверь. Из помещения повалил пар, пахло лекарствами и еще чем-то сладким.

Выглянула медсестра, узнала, что нужна Мария Петровна и велела зайти внутрь.

Барак был заполнен ржавыми железными кроватями с провисшими панцирными сетками, на которых сидели и лежали неприбранные женщины разных возрастов.

Слева часть помещения была отгорожена ширмой, обтянутой белыми простынями.

Медсестра сказала Лайнюшке снять пальто и пройти за ширму.

Там стояло освещенное яркой лампой гинекологическое кресло, вокруг которого по полу были расставлены наполненные темной кровью с ошметками плоти тазы.

— На кресло, — распорядилась Мария Петровна.

Лайнюшка взобралась на кресло.

Мария Петровна помыла руки из фронтального ручейника с металлическим соском, надела резиновые перчатки.

— Ну, теперь уже делать нечего, надо чистить, — сказала она, — Только у нас обезболивающих нет, ну что там, потерпишь, все терпят. Вера, поддержи ее, — обратилась она к медсестре.

Вера встала за креслом и крепко вцепилась в Лайнюшкины плечи.

— Мамочка, прощай, — отчаянный крик был слышен только Лайнюшке.

Хрум-хрум, хрум-хрум — резали тело Лайнюшкиного сына острые хромированные инструменты.

Шлеп-шлеп — падали в таз куски его плоти.

Боль была чудовищной, но убийство осуществлялось беззлобно и буднично.

— Мальчишка был, — сказала Мария Петровна.

В таз полетел очередной кусок тельца.

Лайнюшка сквозь чудовищную боль ощущала всю странность происходящего. Она и врач — два детоубийцы — в чудовищном сговоре вели себя так, как будто то, что они делали, не было убийством, а было какой-то совершенно человеческой обыденной процедурой, во время которой не следовало рычать и кричать, как это водится у чудовищ, хоть крик сам рвался из Лайнюшки, а нужно было так, как это принято у людей, когда им больно, соблюдать определенный ритуал. Ей — сдерживать крик, а врачу — приговаривать:

— Ну, потерпи, моя хорошая, еще немного, совсем немного осталось, ишь как он там зацепился, не хочет выходить.

Хрум-хрум.

«Звук — как будто огурцы в салат режут», — подумала Лайнюшка.

Лайнюшка смиренно принимала боль, как наказание за убийство.

Она как бы со стороны видела себя, окровавленную, покрытую потом, лежащую в этом страшном абортарии распятой на старом скрипучем гинекологическом кресле, сотрясаемую болью, терзаемую стальными приспособлениями. Еще вчера красивая молодая женщина, она лежала грязная, уродливая, дрожащая — и поделом ей, потому что только что она убила своего сына.

Никогда прелестный голубоглазый мальчик не обнимет ее своими розовыми ладошками, не поцелует своими нежными губами, не назовет ее своей мамочкой.

Никогда она не будет сидеть у камина под волшебную музыку Шопена. Никогда она не будет гордиться своим сыном, потому что он так и не родился.

Сползая с кресла, Лайнюшка внезапно увидела маленькую человеческую руку с крохотными пальчиками, как будто протянутую к ней в прощальном жесте из чудовищного таза, наполненного кровью и останками убитых детей. А может, ей это показалось.

Дома Лайнюшка легла в постель и два дня лежала, как мертвая, то засыпая, то просыпаясь, пила воду, ни с кем не разговаривала.

А на третий день привела себя в порядок, надела красивое платье и пошла с мужем в гости, где ей сказали, что она удивительно хорошо выглядит, и ее глаза в этот день особенно глубоки и прекрасны.

И больше она никогда не вспоминала о совершенном ею убийстве, пока женщина с огромными светлыми глазами не приобняла ее за плечи на перекрестке и не сказала ей:

— Сама ты красавица, и дети у тебя хорошие. Этот умный, а другой — гениальный.